

УДК: 340. 12 (470)

Ткаченко Сергей Витальевич

докторант, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Социальные технологии и
право» Самарского государственного
университета путей сообщения

**МИФ О «ГЛУПОМ» ЗАКОНОДАТЕЛЕ В РОССИЙСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация

В девяностые годы произошла полномасштабная рецепция западного права, полностью изменившая отечественную правовую систему. Цели реформы полностью достигнуты правящей элитой. Однако в силу того, что они существенно расходились с декларируемыми целями, были сформированы определенные политико-правовые мифы. Один из них – миф о «глупом» законодателе.

Известно, что в 90-е годы Россия выстроила свою правовую систему благодаря полномасштабной рецепции зарубежного права. Однако при оценке результатов такой рецепции, прогнозирования дальнейших правовых событий необходимо учитывать идеологический компонент рецепции. Игнорирование идеологического компонента рецепции, сведение содержания рецепции лишь к «улучшению правовой системы» не позволяет разобраться с причинами рецепции как прошлого, так и настоящего, и с действительным ее содержанием, целями и задачами. Идеология реципиента, донора, а зачастую и совместная идеология донора и реципиента образует искомый идеологический компонент рецепции, выражаясь в научном обосновании и целесообразности отказа от правового прошлого и заимствования «передовых» правовых технологий иностранного происхождения. Это обоснование может быть вы-

ражено в попытках модернизации права и государства, в различных формах рецепции, сопровождающейся скрытым внутренним политическим «переворотом», скрытой или открытой экспансией донора, демонстрацией преемственности с легендарной империей прошлого (Древний Рим) или близости к «цивилизованным» государствам современности (США, страны Европы).

Соответственно, в процессах рецепции права представляется необходимым выявлять за публичными политико-правовыми лозунгами и девизами ее идеологическую основу. Это позволяет отличить от модернизации права ее псевдоформу – декоративную рецепцию. Типичный пример декоративной рецепции являет российское государство 90-х годов, где в период государственно-правового кризиса (с 1990 г.) реализована полномасштабная рецепция западных культурных и правовых ценностей, не имеющая полноценных аналогов в прошлом.

Декоративная рецепция возникает как спасительная для правящей элиты идея заимствования правовых «благ» более передовых цивилизаций в момент государственно-правового и экономического кризиса. В этом случае политико-правовая идеология играет важнейшую роль, переключая общественное внимание на грядущие положительные перемены, тем самым сбивая революционный накал и естественное стремление общества к реальной модернизации.

Для этого в общественное сознание внедрялись такие мифы, как неспособность существовавшей правовой системы полноценно справляться со своими функциями и миф о передовых западных правовых технологиях как панацее для благотворного будущего России. Данные политико-правовые мифы успешно справились со своими задачами. Они подготовили общественное сознание к нужному ракурсу восприятия правовых реформ, вооружив общественность терпением и дав надежду на будущее процветание и стабильность. В настоящее время, после 16 лет ожиданий, создается иное мифотворчество.

Так, корень правовых бед России видится в «бездумном», «механическом», «слепом» копировании законодателем западного правового опыта, идей, принципов, институтов, норм, терминологии.

В большинстве своем российские исследователи идеализируют российского законодателя, считая, что все отрицательные результаты для российского общества – от недомыслия. Именно недомыслием объясняется тотальная коррупция, зависящая «независимая» судебная власть, «правовое государство» для избранных, неменяемая и в связи с этим бесконтрольная политическая элита и т.д. Недомыслие законодателя, своеобразная юридическая «тупость» выражается в переоценке правовой ментальности россиян, которое в большинстве своем еще не готово к демократии. И поэтому в России нет гражданского общества, соответственно, некому контролировать выборы и политическую деятельность общественных деятелей.

Этот миф является спасением для российских ученых. Ведь иначе придется писать и говорить правду, а это закономерно лишает возможности защитить диссертацию, продвигнуться по служебной лестнице и т.д. В отношении задавленного новым, «модернизированным» западно-российским правом фактически бесправного российского народа деятели от гуманитарных наук проявляют откровенное русофобство, выразившееся в теории правового нигилизма России, суть которого в неспособности русских к праву, т.е. к цивилизации.

Так, А.И. Лукьянов отмечает, что западники в России копируют зарубежное законодательство, «причем без осознания того, что они делают. Стали копировать готовые нормы, существующие в США, переводить их на русский язык, думая, что этого достаточно, чтобы те действовали. На самом деле тут проявилось, если мягко сказать, юридическое дилетантство высшей пробы. Любому грамотному юристу, особенно занимающемуся зарубежным правом, понятно, что невозможно совместить несовместимое. Просто скопировать и перенести заокеанский опыт на российскую почву невозможно». [1]

Любопытно, что исследователи даже мыслят одинаково, молитвенно заклиная законодателя от «бездумного копирования судеустройства других стран»: «Мировой опыт дает убедительные доказательства поразительного разнообразия судебных органов. Система судеустройства любой страны, развивающаяся естественным путем, самобытна и уникальна. История отрицает продуктивность бездумного копирования судеустройства других стран и оправдывает его заимствование лишь в отдельных элементах и деталях» [2]; «История отрицает слепое копирование судеустройства и судопроизводства других стран, оправдывая их заимствование исключительно в отдельных элементах и деталях. Современная судебная реформа в России должна быть ориентирована, прежде всего, на отечественный историко-правовой опыт, неотъемлемую часть которого состав-

ляет судебная реформа 1864 года как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах» [3].

С.В. Ермоленко говорит о «механической» деятельности законодателя: «механическое заимствование международно-правовых принципов, институтов и норм, которые трудно вплести в «системную ткань» российской правовой действительности, нередко вызывает противоречия в процессе реализации российских законов и иных нормативных актов» [4].

Превзошел всех в исследовании «глупости» законодателя В.А. Рыбаков, который убежден, что «обезьянничанье, слепая вера в совершенство заимствуемых институтов не дают ожидаемого эффекта. Освоение чужого опыта должно быть творческим, критическим и органическим» [5].

Исследователи убеждены, что правящая элита России придерживается взглядов только западноевропейских теоретиков, повторяет западную концепцию демократического правового государства. Однако такая позиция правящей элиты оказывает на общество скорее негативное влияние, о чем свидетельствует современная ситуация отчуждения политических «верхов» и общества друг от друга. Деятельность правительства России на сегодняшний день не привела к существенным позитивным изменениям, наоборот, обострила существующие политические, социальные и экономические противоречия между обществом в целом и правящей элитой. Основная причина неудач в этом плане связана с бездумным копированием западного политического и социального устройства без учета специфики основных типов общества – коллективистского и индивидуалистского [6].

Ю.К. Краснов размышляет, что «начав фундаментальный демонтаж старой государственности, российские реформаторы не имели соответствующей российским историческим и правовым традициям методологии обновления, необходимой для эффективного реформирования отечественной государственности. В результате умозрительный характер реформ государственности,

низкая их эффективность, слепое копирование западных образцов. Отсутствие фундаментальных научных заделов по изучению специфики отечественного государства стало существенным тормозом в практике российских реформ. Вот почему важнейшей задачей современной науки теории и истории должно стать уяснение особенностей и тенденций развития отечественного государства и права, изучение российской государственности как самостоятельного исторического явления, имеющего собственную логику развития, которая не может быть понята только на основе анализа отдельных его институтов, отношений и идеологических доктрин» [7].

Феномен рецепции права выражается в том, что здесь нельзя предполагать бездумность законодателя в принципе, как это делают многочисленные российские ученые. Правящая элита всегда преследует исключительно свои цели, в рамках которых и заимствуется тот или иной институт права. Реципируемые институты сохраняют свою «западную» конструкцию, но содержание здесь уже совсем иное, «отечественное». Именно в этом проявляется идеологический аспект рецепции как правового явления. Правящей элитой России была создана правовая безопасность своего положения под видом демократических преобразований. В результате, несмотря на то, что Конституцию России можно охарактеризовать как хартию экспансии западного права, жить в России не становится безопасно для российского народа. Об этом свидетельствует огромное количество очевидных и неочевидных на первый взгляд фактов: уровень преступности, и отсутствие экономики (кроме сырьевой), и то, что в тюремные учреждения забиты малоимущим народом с максимальными сроками наказаний и т.д. Установлена новая крепостная система, подменившая трудовое право. Не имея возможности правовой защиты об вышестоящих бар (в виде непосредственного руководства), рядовые работники милиции объявляют голодовки, обращаются напрямую к Президенту. В ответ, заводятся в отношении жалующихся уголовные дела, по старому русскому принципу – «доносчику - первый кнут».

Нельзя не обратить внимание на еще один непреложный факт – дестабилизирующее влияние Запада (США) на Россию. Бесспорный факт господства США как основного донора, идеолога правовых реформ гордо признается в российской научной литературе. Так, например, высказывается, что «процессуалисты России устремили свои взоры за океан» [8] в поисках юридической мудрости. И «процессуалисты», конечно же, не составили здесь какого-то исключения в правовой среде. Свой взор «за океан» устремили и остальные представители юридических и других российских общественных наук в надежде обрести не только искомую заокеанскую мудрость, но и прочие весомые, уже материальные, блага.

Только отдельные исследователи нехотя отмечают факт добровольно-принудительной рецепции в России. Совершенно справедливо замечание В.Т. Литвиненко, что «прослеживается тенденция навязывания общего (прецедентного) права, характерного для Англии и США и некоторых других стран. Эта система, безусловно, имеет ряд достоинств, среди которых, в первую очередь, должны быть выделены: гибкость, эластичность правового регулирования; быстрое реагирование права на меняющиеся социальные условия; преодоление косности статутного права и правового догматизма; приоритет права по отношению к закону; введение противовеса законодательному рутинерству. И все же система права не может быть введена у нас произвольно, без учета глубоких и стойких исторических традиций» [9].

Однако это только признание частных фактов; основной факт того, что полномасштабная рецепция западного права в российскую правовую систему осуществлена с помощью, т.е. под неусыпным контролем, США, не замечается, как правило, никем из представителей юридической науки. Бывают все же «прозрения» представителей других гуманитарных наук. Так, А.С. Кузьмин справедливо отметил, что «не упускают возможность воспользоваться этой ситуацией страны либеральной демократии, используя Россию как источник дешевых природных и челове-

ческих ресурсов для обеспечения продления жизни западной цивилизации, находящейся на грани исчерпания собственных ресурсов жизнеобеспечения» [10].

Ряд российских исследователей принципиально отрицают всяческие подозрения в отношении влияния донора на ход российской рецепции. Л.Я. Косалс и Р.В. Рывкина убеждены, что в современной негативности отношения к Западу виновата исключительно историческая советская традиция: «Для коммунистов Запад являлся враждебным «капиталистическим окружением». Население воспитывалось в духе ненависти к нему. Идеологи КПСС рисовали Запад в черных тонах, не стесняясь прямой дезинформации. Ложный образ Запада внедрялся в массовое сознание, формировал негативное отношение населения к Западу. И только небольшая часть советских людей, выезжавших за рубеж, знали, как на самом деле живут люди в Европе и в США. Однако обе названные концепции – и «особого пути», и враждебного «капиталистического окружения» имеют под собой более глубокие психологические корни. Психологический «корень проблемы» - наличие у России устойчивого «комплекса неполноценности» перед Западом, корни которого уходят вглубь истории» [11]. Думается, если и был какой-то подобный комплекс, то после знакомства с населением Запада и его действительной жизнью, он быстро и безболезненно исчез у большинства россиян.

Почему же захлебнулись российские правовые реформы, основанные на передовых западных технологиях? Ответ на этот вопрос очевиден. Сильная Россия не нужна никому, кроме самих россиян. Не секрет, что модернизации XX века стран, граничащих с СССР, осуществлялась с щедрой экономической помощью США. Цель достаточно очевидна – создать плацдарм против СССР.

Из истории Японии к настоящему времени становится известным факт, что основную роль в процессе реформирования Японии сыграли оккупационные власти США. Инициативы американской стороны очень часто не согласовывались, а предлагались к обязательному исполнению японской

стороне. Эти привнесенные извне правила и порядки представляли из себя в определенном смысле внешние институциональные факторы. Они оказывали сильное влияние на экономику, причем важным было то, что они давали важные сигналы экономическим агентам, которые выстраивали линию своего поведения с учетом этих новых ограничений и возможностей. Впоследствии на этой основе вырабатывались уже новые, собственно японские правила и нормы, которые закрепляли возникшие институты на практике [12].

Однако до сих пор исследователями в области права «не замечается» факт того, что модернизация Японии происходила по идеологическим причинам, а именно - японское государство США рассматривалось как плацдарм против СССР. И здесь ни о какой добровольности рецепции западных правовых ценностей быть уже не может. Японские исследователи констатируют, что в этих целях на официальные посты Японии снова были допущены лица, попавшие ранее в категорию «нежелательного персонала». В обход конституционного принципа, исключавшего какое-либо перевооружение, были созданы Силы самообороны, а монархическая система, некогда считавшаяся источником всех зол, связанных с государственным синто, снова стала превозноситься в облагороженной и конституционной форме [13].

Таким образом, идеологический компонент рецепции права закономерно приводит к активному мифотворчеству, скрывающему истинные цели и задачи правовых реформ, основанных на рецепции инокультурных элементов. В связи с этим предлагается уточнить определение рецепции права: рецепция представляет собой заимствование и внедрение идей, правовых институтов, норм, терминологии иностранного права в силу идеологии реципиента и (или) донора. Данное определение позволит расширить рамки изучения российским научным обществом политико-правового феномена рецепции права.

Литература:

1. Лукьянов, А.И. Законодательный процесс в России // Журнал российского права. - 2001. - № 11. - С. 51.
2. Палченков, В.П. Основы судостройства по судебной реформе в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Палченков. - Волоград, 2001. - С. 7.
3. Кузьменко, О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт: дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Кузьменко. - Ростов-на-Д., 2005. - С. 26.
4. Ермоленко, С.В. Система законодательства Российской Федерации (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Ермоленко. - Волгоград, 2006. - С. 2.
5. Рыбаков, В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы: монография / В.А. Рыбаков. - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. - С. 264.
6. Фомина, Н.В. Аристократия и аристократическая форма правления: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.В. Фомина. - Красноярск, 2005. - С. 3.
7. Краснов, Ю.К. Российская государственность: генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.К. Краснов. - М., 2002. - С. 21.
8. Бойцова, В.В. Перспективы развития российского права // Государство и право на рубеже веков: Материалы всероссийской конференции: проблемы истории и теории / В.В. Бойцова. - М., 2001. - С. 21.
9. Литвиненко, В.Т. Нормативно-правовое регулирование судостройства и судопроизводства в дореформенный период и период проведения судебной реформы 1864 года (на примере Ставропольского окружного суда): дис. ... канд. юрид. наук / В.Т. Литвиненко. - Ставрополь, 2001. - С. 163.
10. См.: Кузьмин, А.С. Идеология и психология этноса: социально-философский анализ взаимосвязи: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.С. Кузьмин, -. Новосибирск. - 2007.
11. Косалс, Л.Я., Рывкина, Р.В. Социология перехода к рынку в России / Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. - М. - 1998. - С. 44.
12. Дружинин Н.Л. Институциональные условия развития экономики Японии в 1945-1955 гг.: автореф. дисс. ... докт. экон. наук / Н.Л. Дружинин. - СПб, 2009. - С. 21.